

(л. 73 об.). Второй сделал приписку: «Сю царьню писалъ азъ Олоуферие сынъ Захарыиный, а концахъ въ вторыхъ небрежныхъ неделяхъ» (л. 94). Не владея, вероятно, мелким уставом, Елеферий написал это такими же крупными буквами, как и основной текст. Но помету, комментирующую не основной текст, а выходную записку — «Отець писалъ досюду» (л. 73 об.) — он сделал мелким и небрежным письмом. Если бы в то время существовали скорописи, то оба писца этого Царемийича скорее всего его бы и воспользовались, как это сделал «Семеничев».

Приведенные примеры письма основной и вспомогательной частей текста в трех литургических книгах XI—XVI вв. хорошо иллюстрируют функциональную разницу между уставом и скорописью. Однако этим двум типам письма не пришлось существовать одновременно; к моменту появления скорописи устав был уже вытеснен полууставом. Последний в течение веки своей многовековой истории оставался книжным письмом, а скорописи с самого начала существования была письмом деловой письменности. И в богослужебных книгах она использовалась иногда лишь для побольших «вспомогательных» текстов. В четках же юнгах, особенно внецерковного круга чтения, скорописи в XVII и XVIII вв. несколько «шотеснила» полуустав, но не вытеснила его совершенно: функциональное размежевание этих двух типов письма обусловило их «мирное сосуществование».

Итак, при определении термином «скорописи» письма какой-либо книги (о грамотах — речь особая) надо, во-первых, учитывать значение последней. Во-вторых, и это главное, скорописи, как принципиально новый и резко отличающийся в своей графической основе от устава и полуустава тип письма, не следует путать со скорописанием — понятием скорее психологическим, чем графическим. И сохранившийся материал дает основание говорить о скорописи (как о типе письма) не ранее как с начала XV в.

С. М. ВАНТАНОВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО АКТА

В русской дипломатике всегда уделялось мало внимания конкретной методике работы над актом. Исключение составляют труды А. С. Лаппо-Данилевского и его учеников.¹ Но даже и этих иссле-

¹ А. С. Лаппо-Данилевский и др. 1) Служилые кабылы последней эпохи. Сб. статей, посвященных Василию Семеновичу Ключевскому, ч. II, М., 1900; 2) Очерки русской дипломатии частных актов. Пгр., 1920;

дованиях, где клаузульное членение акта и эволюция клаузул вынесены на передний план, схема дипломатического анализа текста акта не облечена в достаточно четкие и строго дифференцированные понятия.

Предметом дипломатики обычно считают все документы, отличные от повествовательных источников. При этом среди документов выделяют три группы: акты; записи; письма (последние — с оговоркой).² Актами, с точки зрения специалистов по дипломатике, являются документы, «которые облечены известное правовое отношение — письменное постановление или юридическую сделку — в письменную форму».³ Автор настоящей статьи подразумевает под актами не все документы с правоначальным содержанием, а только документы договорного, сделочного характера.⁴ Такое понимание акта было свойственно Н. П. Ардашеву, В. П. Веретенникову.⁵ Обоснование правомерности сужетного понимания актов дается нами в другой работе.⁶ Здесь же мы рассматриваем акты как часть целого, т. е. как особую группу документальных источников, при изучении которой применимы в первую очередь какие-то общие принципы анализа документов.

Всякий письменный источник имеет внешнюю и внутреннюю форму. Внешняя, или материальная, форма источника, составляющая предмет по преимуществу палеографии, кодикологии и сфрагистики, нас сейчас не интересует. В центре нашего внимания внутренняя форма, иначе говоря, структура и стилистические особенности текста источника. В связи с проблемой внутренней формы документов сразу же возникает вопрос о формулировке. В дипломатике термин «формуляр» употребляется в разных смыслах и вообще учение о формуляре не разработано.

В. П. Веретенников. К вопросу о методах изучения древнерусских членно-привольных актов. Истор. обозрение, т. XXI, стр., 1946; М. П. Смирнов. Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа. Истор. обозрение, т. XXI, стр., 1946.

² См., например: A. de Voïard. Manuel de diplomatique française et pontificale. Diplomatique générale. Paris, 1929, pp. 32—38; Н. О. Мейер. Urkunden und Aktenlehre der Neuzeit, 2 Aufl., Leipzig, 1952, SS. 16—26.

³ А. С. Данио-Даниленский. Очерк..., стр. 13. Цитированное определение основано на определении акта, которое дал Г. Зиккель: «Письменное, облеченное в соответствующую форму изложение и предание правового характера» (Th. Sickel. Lehre von den Urkunden der ersten Karolinger (751—840). Wien, 1867, S. 2); аналогичное определение у последующих авторов: A. de Voïard. Manuel de diplomatique française et pontificale, p. 33; Н. О. Мейер. Urkunden und Aktenlehre der Neuzeit, S. 16.

⁴ С. М. Каשתанов. Акты. Сов. истор. дипломатии (далее — СИД), т. I, М., 1961, табл. 313—314.

⁵ Н. П. Ардашев. Дипломатика. Лекции, читанные в 1907—1908 уч. г. (автография, Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина), стр. 120, 123—124; В. П. Веретенников. К вопросу о методах изучения древнерусских членно-привольных актов, стр. 9.

⁶ С. М. Каשתанов. Предмет, задачи и методы дипломатики. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, стр. 136—138.

Мы предлагаем различать четыре типа формуляров: 1) условный; 2) абстрактный; 3) конкретный; 4) индивидуальный. Под условным формуляром мы понимаем наиболее общую схему построения документов в целом, под абстрактным — общую схему построения документов определенной разновидности, под конкретным — схему построения определенных небольших групп документов внутри разновидности, под индивидуальным — схему построения отдельно взятого текста.⁷

В состав внутренней формы документа входят не особенности его реального текста без каких-либо исключений. Формуляр же — это лишь скелет внутренней формы документа, разные части которого могут к тому же соотноситься на разных формулярах. Внутренняя форма не исчерпывается формуляром, т. е. формуляр (во всяком случае 1-го, 2-го и 3-го типов) не тождествен реальному тексту.

Известно, что в западноевропейской (прежде всего немецкой и французской) дипломатике сложилось устойчивое, давно ставшее традиционным деление того типа формуляра, который мы называем «условным», на «протокол» (или «начальный протокол»), «текст» и «заключительный протокол». Эти дипломатические категории применяются и в нашей историографии, хотя более дробное деление (начального протокола — на *invocatio*, *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio*, текста — на *aversa*, *promulgatio*, *narratio*, *dispositio*, *sanctio*, *corroboratio*, заключительного протокола — на *datum*, *appreciatio*),⁸ как правило, не фигурирует

⁷ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. Автореф. докт. диссертации, М., 1968, стр. 16.

⁸ *Invocatio* — богословное, посвящение божу, троице; *intitulatio* — обозначение тех, от кого исходит документ; *inscriptio* — обозначение тех, кому документ адресуется; *salutatio* — приветствие, обращение к адресату; *aversa* (*exordium*, *prologus*) — предислужие, излагающая внешние мотивы и цели составления документа; *promulgatio* (*publicatio*, *praescriptio*, *notificatio*) — требование, чтобы было известно то, что будет объявлено далее; *narratio* — изложение обстоятельств, представляющих составление документа; *dispositio* — распоряжение или договор по существу дела; *sanctio* — обязательство нарушать документ; *corroboratio* — удостоверение о сохранении документа подписью, печатью и т. п.; *datum* — указание места и времени выдачи документа; *appreciatio* — удовлетворение по поводу сохранения документа (см., например: А. Гирю. *Manuel de diplomatique*. Paris, 1894, pp. 531—539; А. де Поайярд. *Manuel de diplomatique française et pontificale*, pp. 253—269; Н. О. Мосиянов. *Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit*, SS. 101—124; В. Кляйх. *Studien zur fränkischen Diplomatie. Der Titel der fränkischen Könige. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, Jahrgang 1937, Philosophisch-historische Klasse, N 4, Berlin, 1937; В. Моштин. *Sankeija u vizantijskoj i u juznoslavenskoj cirilskoj diplomatiji*. Dubroynik, 1954; J. Ruiz Colón. *Valor literario de los preámbulos de la cancellaría real catalano-aragonesa en el siglo XV*. Boletín de la Real Academia de Buena Letras de Barcelona, t. XXVI, Barcelona, 1956; Н. Фиеллау. *Note sur l'origine du préambule dans les diplômes médiévaux*. Moyen Age, t. LXII, N 4—2, Bruxelles, 1956; ејsudem. *Aranga. Spätantike und Mittel-*

в трудах русских и советских исследователей.⁹ В указанной схеме малоудачным, с терминологической точки зрения, представляется понятие «текст», ибо в современной науке им принято обозначать текст источника в целом, а не только его неполную часть. Поэтому то, что в западной дипломатике именуется «текстом», мы предложили бы называть основной частью условного формуляра.

Итак, условный формуляр делится на три части, каждая часть в свою очередь состоит из нескольких компонентов. В реальном тексте отдельные компоненты условного формуляра могут отсутствовать, а взаимное расположение их может варьироваться и в зависимости от особенностей происхождения и структуры конкретных документов.

Не все компоненты условного формуляра сами по себе выражают законченную мысль. Так, в *intitulatio* обозначается только лицо, выдавшее документ, в *descriptio* — лицо, кому документ направлен или выдан. Напротив, некоторые другие компоненты (например, *dispositio*) обширны по составу и подчас охватывают ряд отдельных положений. Поэтому наряду с делением условного формуляра на части и компоненты должны осуществляться деление формуляров других типов на статьи, т. е. законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями.¹⁰

alter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz-Köln, 1957; I. Sanfilippo. *Über die Verbalnennung in Urkunden*. Wien, 1961).

⁹ Ср.: С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, стр. 305; СМД, т. 5, М., 1964, табл. 230.

¹⁰ В литературе деление условного формуляра на части и компоненты совмещается с делением реального текста (и pochodных из него формуляров 2—4-го типов) на статьи. Так, А. С. Дашко. Дашковский сборник: «В широком смысле каждая... мысль, выраженный и акте отдельно от других, называется клаузулой. Впрочем, существенная и заключительная части акта обыкновенно называются начальным и конечным протоколом, ввиду чего термин «клаузула» получает более узкий смысл; в... и более узком смысле клаузулами можно назвать лишь те части акта, которые входят в его состав, помимо начального и конечного его протоколов» (Очерк... стр. 135—136). Но поскольку деление условного формуляра на части и компоненты не совпадает с делением текста на статьи, вопрос о начальном и конечном протоколе не может относиться к делению на статьи. Но той же причине нельзя считать своеобразным принцип деления клаузулы на существенные, решительные и конъюнктивные протоколы (В. И. Веретенин и др. К вопросу о методах научной истории древнерусских частных приписных актов, стр. 12). Совпадение статей или статей текста с частями условного формуляра действительно возможно, но далеко не всегда имеет место. Первую, например, *agenda*, представляется компонентом основной части условного формуляра, входит в состав статьи, где за ней следуют компоненты начального протокола — *intitulatio* и *descriptio*. А. С. Дашко. Дашковский сборник, когда он говорит, что при расчленении текста акта на образующие его клаузулы следует, по возможности, «сообразовываться с теми моментами, которые сами составители акта стремились различить в его составе, не подвергли его искусственному дроблению или более тонкому

«Статья», на наш взгляд, понятие более широкое, чем «клаузула». Слово «клаузула» применительно к тексту акта обозначало в средние века чаще всего особое условие, отговорку и договор.¹¹ Расширил применение этого термина до обозначения всех вообще договорных статей, мы воздержались бы, однако, от употребления термина «клаузула» в отношении статей, не выражающих непосредственно условий сделки или договора.¹² В соответствии с функциями частей и компонентов условного формуляра статьи текста по своим функциям делится на sacramентальные; мотивационные; содержащие обращение; уведомительные; описательные; договорные (клаузулы); указные; просительные; прощальные; договорные; удостоверительные; при этом некоторые статьи могут носить смешанный характер. Подтверждение акта, относящееся к другому времени, мы рассматриваем как самостоятельный текст, в котором центральное место занимают обычно уведомительные, указные и удостоверительные статьи и реже присутствуют описательные и тем более договорные.

Отдельные статьи текста представляют собой сложные предложения, часто периоды, главное и придаточные предложения которых, образуя законченную мысль только в совокупности, имеют тем не менее каждое свою специальную тему. В предложении формулировки отдельной мысли подчас состоят из ряда обстоятельственных, определительных и других оборотов и вставных придаточных предложений. Кроме того, нередко в предложении к одному подлежащему действителю относятся несколько сказуемых, несущих характер описания юридических действий и состояний. Отдельные понятия, образованные из одного или нескольких слов, — элемент статьи как объекта дипломатического анализа.¹³ В элементе могут выделяться более мелкие частицы — характеристики. Следовательно, сложный статья (Ст) делится на предложения (П), которые подразделяются на обороты (О) или являются системой оборотов, когда к одному обороту, обозначающему действительный, относится несколько оборотов, характеризующих его юридические состояния ($O_n + O_2 (\dots n)$), или когда несколько действительных выражают однородные от-

рационально высшейшей юридической мысли (Очерк... , стр. 138). Это же подчеркивает и П. И. Веретенников: «Фрагментное разделение какого-либо длинного акта, выделение из его состава отдельных клаузул должно базироваться прежде всего на точном понимании текста акта, на его грамматическом строе» (К вопросу о методах изучения древнерусских частно-правовых актов, стр. 10).

¹¹ [С. М. Капитанов]. Клаузула. СПб., ч. 7, М., 1965, табл. 41А.

¹² А. С. Ланто-Даниелиуски различил юридическое и «бытовое» клаузулы (Очерк... , стр. 137—138). Судя по приведенному им примеру, первое — статьи *dispositio*, второе — *narratio*. Автор сам замечает, что вместе с юридическим значением в большой мере действуют названные клаузулы, чем части с бытовым содержанием (стр. 137).

¹³ На необходимость выделения элементов мое внимание обратил С. И. Палк.

ношения к какому-либо субъекту ($O_{a_1, a_2, \dots, a_n} \vdash O_c$). Обороты в свою очередь делятся на элементы (Φ), а некоторые элементы еще на характеристики (X). Простые статьи могут делиться на элементы непосредственно; но если внутри оборота к одному подлежащему относятся несколько определений, а к одному сказуемому несколько дополнений или обстоятельств, или если одно повягиве выражено многословно, оборот делится на отделения (O_{td}), состоящие соответственно из одного главного и нескольких второстепенных членов предложения или из одного главного и нескольких второстепенных понятий.

Среди элементов и характеристик различаются реалии, формулы и описания. Реалии — имена лиц и названия географических объектов. Формулы — устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой. Описания — отступающие от «типичных» формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия.

Вопрос о возможностях сопряжения схема деления условного формуляра с делением реального текста достаточно труден. Компоненты условного формуляра могут относиться к статьям текста как часть к целому; как тождественные величины, как целое к части. В первом случае компонент условного формуляра соотношится определенному элементу или элементам статьи. Во втором случае он тождествен самой статье. Наконец, в последнем случае в составе компонента может существовать не просто несколько статей, а несколько групп различных по теме статей. Эти группы статей, объединенные каждая единством темы, мы предлагаем считать разделами (P) того или иного сложного компонента.

Поскольку деление условного формуляра на части и компоненты есть только схема, но не звенья которой имеются в конкретных документах, а порядок расположения компонентов в схеме далеко не всегда соответствует их расположению в конкретных документах, анализ внутренней формы последних должен начинаться с деления реального текста на статьи, а статей — на более дробные единицы. После этого необходимо установить наличие в документе компонентов условного формуляра и определить их связь между собой и отношение к статьям и их подразделениям.

Приведем примеры. Текст договорной грамоты Новгородца к князю Ярославом 60-х годов XIII в. начинается со статьи: «Взаясложение от владыки, доклад от посадника Михаила и от тысяцкого Кондрата и от всех сощеских и от всех старших и от всего Новгорода к князю Ярославу».¹⁴ По своему типу это

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. П. Валица. М.—Л., 1959 (Смесь — ГИИ и П), № 4.

статья-обращение. Выделим в ней обороты, элементы и характеристики:

O_{a1}	— \mathcal{D}_1	: благословение
	\mathcal{D}_2	: от владыки
O_{a2} — Отд I	— \mathcal{D}_1	: поклон
Отд II	— \mathcal{D}_{1-2}	: от посадника
	\mathcal{D}_{1-2}	: Михаил
	\mathcal{D}_{2-3}	: и от тысяцкого
	\mathcal{D}_{3-4}	: боярства
	\mathcal{D}_5 — X_1	: и от всех
	X_2	: боярских
	\mathcal{D}_4 — X_1	: и от всех
	X_2	: старших
	\mathcal{D}_5 — X_1	: и от всего
	X_2	: Новгорода
O_6	— \mathcal{D}_{1-2}	: к князю
	\mathcal{D}_{1-2}	: Ярославлю

Формулами являются элементы оборота a_1 , Отд I оборота a_2 , элементы 3—5 Отд II оборота a_2 , \mathcal{D}_{1-2} и \mathcal{D}_{2-3} и том же Отд, \mathcal{D}_{1-2} и обороте б, реализация — \mathcal{D}_{1-2} и \mathcal{D}_{2-3} и Отд II оборота a_2 и \mathcal{D}_{1-2} оборота б. Из компонентов условного формуляра в статье имеются *salutatio* (№ 1: O_{a1} — \mathcal{D}_1 ; № 2: O_{a2} — Отд I — \mathcal{D}_1), *intitulatio* (№ 1: O_{a1} — \mathcal{D}_1 ; №№ 2—6: O_{a2} — Отд II — \mathcal{D}_{1-2}), *inscriptio* (O_6 — \mathcal{D}_1).

Следовательно, статья составляет начальный протокол, в котором отсутствует только один компонент — *invocatio*. Дальше в грамоте идут статьи, образующие *dispositio*. *Agenda*, *promulgatio*, *pagatio* отсутствуют. Иной переход от статьи обращения к остальному тексту наблюдаем в грамоте Новгородца Колывани начала XV в.: «Благословение от архиепископа новгородского владыке Ивана, от посадника Ивана Александровича, от тысяцкого Василия Есифовича, от всего Великого Новгорода к посадникам валдаванским и к ратманам и ко всем колыванцам. Буди вам ведомо: здесь мы с немчи и ратманья Свеею. И вы, наши суседе, к ним бы есте не приставале». ¹⁶ Первая статья («Благословение. . . колыванцам») — обращение. Она имеет *salutatio* («Благословение»), *intitulatio* («от архиепископа. . . Новгорода»), *inscriptio* («к посадникам. . . колыванцам») и образует начальный протокол. Вторая статья («Буди. . . Свеею») — уведомительная. В нее включены *promulgatio* («Буди вам ведомо») и *pagatio* («здесь. . . Свеею»). Следующая статья — указная, входящая уже в состав *dispositio*. Итак, здесь основную часть формуляра открывает *promulgatio*. *Agenda* отсутствует. Сходное построение в договорной грамоте князя Михаила Ярославича с Новгородом 90-х годов XIII в., где *promulgatio* выражается в словах: «То ти, отче, поведая». ¹⁶ Помещение *salutatio* на первом месте в начальном

¹⁶ Там же, № 50.

¹⁶ Там же, № 4.

протоколе характерно и для новгородских частно-правовых грамот-писем XIII—XV вв.: «Пошло от Мена ко Цроколю; «Чолобце от меляника из Злоствыци и Юрья к Ошцифорову»¹⁷ и т. п.

Грамотам Северо-Восточной Руси свойственны другие особенности. Докопчания великих и удельных князей XIV—XV вв. обычно начинаются статьей такого типа: «По благословению отца нашего Фотия, митрополита киевского и всея Руси, на сем, брате молодшии, князи Юрьи Дмитриевич, целуи ко мне крест, и своему брату стареишному, к великому князю Василью Васильевичю, и к своему брату молодшому, князю Ондрею Дмитриевичю, и к нашему брату молодшому, ко князю Костянтину Дмитриевичю».¹⁸ Подвергнем статью членению по нашей схеме.

$\Pi_1 - O_1$	$- \partial_1$: по благословению
	∂_{2-2}	X_1 : отца
		X_2 : нашего
	∂_{2-2}	: Фотия
$\Pi_2 - O_1$	∂_{2-2}	X_1 : митрополита
		X_2 : киевского
		X_3 : и всея Руси
	∂_{1-1}	: на сем
$O_2 - O_1$	$- \partial_{1-1}$	X_1 : брате
		X_2 : молодшии
$O_3 - \text{Отд I}$	∂_{1-1}	X_1 : князю
		X_2 : Юрьи Дмитриевич
	∂_2	: целуи
	∂_3	: ко мне
Отд II	∂_{1-1}	X_1 : к своему
		X_2 : брату
		X_3 : стареишному
	∂_{1-1}	X_1 : к великому
$O_2 - O_2$		X_2 : князю
		X_3 : Василью Васильевичю
	∂_{2-2}	X_1 : и к своему
		X_2 : брату
∂_{2-2}		X_3 : молодшому
	∂_{2-2}	X_1 : князю
∂_{2-2}		X_2 : Ондрею Дмитриевичю
	∂_{2-2}	X_1 : и к нашему
		X_2 : брату
		X_3 : молодшому
∂_{2-2}		X_1 : ко князю
		X_2 : Костянтину Дмитриевичю

Π_1 — агенда. Этот компонент условного формуляра представлен здесь в весьма неразработанном виде и имеет особенно преимущественно морального обоснования права участников договора

¹⁷ Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, №№ 148, 167.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовила и печатала Л. В. Черепнина. М.—Л., 1956 (далее — Д и ДГ), № 24.

на составление документа. Характер юридической ссылки явнее выражен в атегда жалованных грамот XV в., содержащих слова «по отцу своему грамоте великого князя имр.», а также льготных и оброчных грамот шведов и других должностных лиц XVI в., где на первом месте в тексте ставится оборот: «По великого князя слову» или «По великого князя грамоте». И в частных актах XV—XVI вв. встречается атегда такого типа: «По мукса своего слову Ивану»; «По благословению отца моего игумена Васильяна Троицкого Сергиева монастыря».¹⁹ В некоторых договорных грамотах князей наряду с юридическим моментом выделен мотив божественной милости: «Божиею милостию и пречистыми еси богоматери, по благословению отца нашего Кириллепа, митрополита всея Руси».²⁰ В XVI в. атегда, состоящая из слов «Божиею милостию», начинает включаться и в жалованные грамоты, а затем сливается с *initulatio*. В жалованных грамотах XVII в. попадает атегда с формулировкой мотива личной милости монарха: «по своему царскому милосердию осмотрешню».²¹ В княжеских духовных грамотах XIV в. атегда дается не в форме общего рассуждения о бренности жизни или близком конце света, как это имело место в ряде западных документов, а в форме констатации возможности смерти конкретного лица — князя, автора духовной: «Аже бог что розгадает о моемъ животе»; «Аже что бог розмыслит о моемъ животе».²² В атегда духовной Кирилла Белозерского наряду с этим широко представлено религиозное обоснование намерений автора: «смотрюх, яко поближе ми старость, внадох бо и частая и разанчшая болезни, болезнем на мн умножившимся инае, яко же иногда никогда же, и ничто же ми возмещающе разве смерть и суд страшный спасои будущего века, и по мне смугнше сердце мое, нехола ради, и страх смертный нападe на мн, боизнь и трешет страшного судища прииде на мн, и покры мя тма недоуменин, — что створиши, не съем; по въперну печаль на госнода, да той створиши, яко же хочог, — хочог бо всем человеком счастье».²³ Первая часть цитированного текста содержит некоторые конкретные сведения (о болезнях Кирилла) и поэтому приближается по своему характеру к *partitio*. Очень пространный атегда в духовной грамоте Ивана IV.²⁴ Наиболее ранний пример атегда в русских документах находим в догосгоре Олега 944 г.: «на удержание и на излощение от многих лет межн Христиана и Русью бавньюю любовю, похотением на

¹⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., далее — АСЭИ, т. I, М., 1952, №№ 90, 255 и др.

²⁰ Д и ДГ, № 15; ср. № 70 и др.

²¹ Акты времени правления цари Василии Шуйского. Собрал и редактировал А. М. Гусев. М., 1914, № 40.

²² Д и ДГ, №№ 1, 4.

²³ АСЭИ, т. II, М., 1958, № 314.

²⁴ Д и ДГ, № 104.

ших князь и по повелению от всех, иже суть под рукою его сущих Руси. Наша святость, более ших хотящих еще о бже удержати и известити такую любовь, бывшую межю Хрестьяныи и Русью, многожды право судихом, по точию цркости словесен, и писанием и клятвною твердою, кленшеся оружием своим, такую любовь известити и утвердити цо вере и по закону нашему.²⁵ Со слов «многожды право судихом» и до конца статьи текст имеет черты *pagatio*, так как в нем рассказывается о поведении русского князя в прошлом. Наличие в договоре довольно развернутой атегда, выражающей стремление к общему благу и справедливости, сближает текст с западными документами и объясняется, возможно, следовавшим византийскому формуляру. Сравнительно пространная атегда в договорной грамоте Великого Новгорода и Пскова с юрьевским епископом, по типу она ближе к атегда докончальных грамот князей Северо-Восточной Руси, чем к атегда договора Олега: «Милостью божьєю, столпием святыхъ Сифей премудрости божьей, и столпием святыхъ живавначальныхъ троица, и здорвьем господина нашего и государа нашего великого князя Ивана Васильевича, цара всея Руси, и здорвьем господина нашего и государа нашего великого князя Ивана Ивановича, цара всея Руси».²⁶

Вернемся к первой статье княжеских договорных грамот. Кроме атегда, в ней можно видеть и другие компоненты условного формуляра: *inscriptio* ($\Pi_2 - O_2 - \mathcal{D}_1$), *intitulatio* (№ 1: $\Pi_2 - O_2 - \text{Отд } \Pi - \mathcal{D}_1$; № 2: там же — \mathcal{D}_2 ; № 3: там же — \mathcal{D}_3). В статье нет *salutatio*, но зато есть формула: она сем. . . целуй ко мне кресто. Эта формула и определяет характер второй части статьи (Π_2) как указно-договорной и является фактически формулой *dispositio*, устанавливая тип взаимоотношений между контрагентами. Тем самым вся статья принципиально отличается от статьи обращения, свойственной классическому начальному протоколу западных документов-выставий. Можно сказать еще резче. Договорные грамоты рассматриваемой разновидности вообще лишены начального протокола, компоненты которого (*intitulatio* и *inscriptio*) поставлены непосредственно в первую статью *dispositio*.

В сходном положении находятся частные акты — купчие, меновые и др. Приведем пример из купчей середины XV в.: «Се из. Арон старецъ, поселекской троецкой, купил есмь у Марыи у Васильевны жены Борисовича и у ее внука у Ивана землю, пустошь Борисовскую, в дом живоначальной Троице».²⁷

²⁵ Памятники русского права, вып. 1. Составитель А. А. Звягин. М., 1952, стр. 6.

²⁶ ГВН и П, № 78.

²⁷ АСЭИ, т. 1, № 287.

Представим это в виде схемы.

O_1 —	\mathcal{D}_1 —	X_1 : се X_2 : на
O_2 —	\mathcal{D}_{1-2} —	Арон X_1 : старец X_2 : поселков X_3 : троецкой : пуща семи
O_3 —	\mathcal{D}_1 —	X_1 : у Марии X_2 : у Васильева X_3 : жоны X_4 : Борисовичи
O_4 —	\mathcal{D}_1 —	X_1 : и у се пуща X_2 : у Ивана : аемлю
O_5 — Отд I —	\mathcal{D}_1 —	X_1 : пустош. X_2 : Борисовскую
	Отд II —	\mathcal{D}_1 —
O_6 —	\mathcal{D}_1 —	: и дом X_1 : живоначальной X_2 : Троице

Здесь O_3 , O_5 — Отд I, O_6 параклают сущность сделки. Статья носит уведомительно-договорной характер и относится к *dispositio*. O_2 — *intitulatio*; O_4 — \mathcal{D}_1 — *inscriptio* № 1; O_4 — \mathcal{D}_2 — *inscriptio* № 2. В работах западных дипломатистов утверждается, что по некоторые договоры, в том числе меновные, имеющие статью типа «*Placuit atque convenit inter N^o et N^o quod...*», лишены *intitulatio*.²⁸ Но тогда следовало бы создать дополнительные термины для обозначения равноправных действующих лиц — участников частных сделок и т. п. Однако едва ли в этом есть необходимость. В русских частных актах субъектом *intitulatio* мы можем считать лицо, обозначению которого предшествуют слова «се аз», входящие в *intitulatio* (ср. *ego*, *nos* западных документов).

Некоторые разновидности актов начинаются с *invocatio* — *invocatio*. Так, в данной игумена Василия Николаевского Чухочемскому монастырю читаем: «Во имя отца и сына и святого духа».²⁹ Поскольку этот компонент условного формуляра принадлежит к началному протоколу, мы уже не можем сказать, что акт лишен начального протокола, даже если другие его компоненты (*intitulatio* и *inscriptio*) в тексте слиты с *dispositio*. *Invocatio*, как правило, присутствует в духовных, реже — в данных частных лиц. В княжеских духовных ранний вариант *invocatio* (XIV в.) — «Во имя отца и сына и святого духа», более поздний (XV в.) — «Во имя святых и живоначальной троицы, отца и сына и святого духа»; в духовной Ивана IV — «Во имя отца и сына и святого духа, святых и живоначальных троицы, и

²⁸ A. Giry. Manuel de diplomatique, p. 54.

²⁹ ГИИ в П, № 176.

шыне и престо и по неки неков, аминь». ³⁰ Ступая применения и invocatio формулы «аминь» западной дипломатике известны.

В жалованных грамотах богословие в чистом виде, как правило, не встречается. Исключение составляет грамота XIV в. и повторяющая ее формуляр грамота XV в. Тверскому Отрочу монастырю: «Во имя святых троици, отца и сына и святого духа». ³¹ Некоторые жалованные грамоты начинаются с выражений «тиа: «Святые ради живконачальные троица» и т. п. Эти выражения не могут считаться богословием в строгом смысле слова. Предлог «ради» или «деяя», «дяя» (вместо оборота «во имя») указывает на цель действия, поэтому вся фраза должна быть расценена как преамбула — агенда. Однако поскольку она часто стоит на месте богословия и содержит некоторые общие с ним элементы (например, «святые троица»), ее можно назвать богословеской преамбулой.

Конкретная формулировка богословеской преамбулы зависит от того, чье имя носит монастырь, которому грамота выдается. В грамотах Троице-Сергиеву монастырю обычно говорится: «Святых дея троици», «Святых ради троици»; в грамотах Спасо-Вифимьеу монастырю — «Святого дея спасаса» и т. п. Развитие этого компонента условного формуляра как преамбулы особенно ясно проявилось в тех редакциях соответствующей статьи, где либо проводится мысль о стремлении добиться милости троицы и личного спасения, ³² либо вместо троицы прямо называется Троице-Сергиев монастырь. ³³

Доказать наличие и жалованных грамотах XV в. начального протокола довольно трудно, если квалифицировать первый компонент формуляра этих актов как агенда, а не как invocatio. Подобно частным актам и междукняжеским договорным грамотам жалованные грамоты содержат intitulatio и inscriptio в статье, уже выражающей характер отношений, в которые вступает корреспондент и адресат: «Съ яз, князь велики Иван Васильевич всея Руси, пожаловал семи Троицкого Сергиева монастыря игумена Симона и братьев, или кто по нем впаи игумен будет».

Распишем эту статью по элементам.

$O_1 - \partial_1$	—	X_1	: се
		X_2	: игу
$O_2 - \partial_{1-2}$	—	X_1	: князь
		X_2	: велики
∂_{1-2}			: Иван Васильевич
∂_{1-2}			: всея Руси

³⁰ Д и ДГ, № 104.

³¹ АСЭИ, т. III, М., 1964, №№ 116, 117.

³² «Милости ради святых троици, своего ради спасения» (АСЭИ, т. I, № 171); «Святых ради живконачальные троици и своего дея спасения» (АСЭИ, т. I, № 250).

³³ «Святых ради Троицы Сергиева монастыря» (АСЭИ, т. I, № 197).

$O_3 - O_4$: пожаловал есмь
$O_4 - O_{1-4}$: X_1 : Трицкого
	X_2 : Сергиева
X_2 :	монастыри
$O_1 - X_1$: имену
	X_2 : Спирова
O_{1-4}	: и братьев
O_{2-4}	: или кто по нем
O_{3-4}	: или имену
O_{4-4}	: будет

Статья имеет уведомительно-договорное значение, и видеть в O_2 эквивалент *salutatio* едва ли возможно. O_2 формулирует типичные для данного рода актов взаимоотношения контрагентов, поэтому статья в известной мере принадлежит к *dispositio*. В то же время формула «пожаловал есмь» носит более общий характер, чем формулы частных актов, прямо указывающие на видность сделки («дало», «купило», «сменило» и т. п.), или чем формула докончальных грамот: «на сем... делу и ко мне крест». По сравнению с частными актами *intitulatio* и *inscriptio* отличаются здесь гораздо большей разработанностью. Поэтому протокольное назначение статьи явно конкурирует с диспозитивным. В ряде жалованных грамот, особенно XVI в., после первой статьи идет комплекс статей, составляющих *narratio*, чем уже структурно подчеркивается отрыв первой статьи от *dispositio*.

Начальный протокол всегда присутствует в указанных грамотах. Вот первая статья одной из указанных грамот: «От князя Бориса Васильевича и Фоминское пожеланием моим и тиуном и всем пошлеником». ²⁴ По своей функции и тексте эта статья представляет собой обращение. В начальном протоколе обращение образуется из *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio*. Указные грамоты лишены *salutatio*, но это не меняет характера их первой статьи как статьи начального протокола. Нет в указанных грамотах и *invocatio*.

Из компонентов основной части условного формуляра грамоты Северо-Восточной Руси, как правило, не имеют *promulgatio*. По просьбе об agenda мы уже касались. *Narratio* вводится в русские акты сравнительно поздно (со второй половины XV в.) и обычно в форме пересказа челобитий тех лиц или корпораций, которым или в интересах которых выдается документ. Но в самих письмах к челобитиям *narratio*, естественно, составляло главный компонент с момента появления этих разновидностей источников, о чем свидетельствуют берестяные грамоты.

Важнейший компонент основной части — *dispositio*. Если компоненты протокола (*intitulatio*, *inscriptio* и др.) входят обычно в состав статьи, то *dispositio* во многих случаях состоит из ряда статей-клаузул. Достаточно показать, какой огромной является только первая статья *dispositio* тарханских грамот. Ниже эти

²⁴ АСЭИ, т. 1, № 377.

статья представлена в сводном виде, т. е. как статья абстрактного (а не конкретного или индивидуального) формуляра.

П ₁ —О ₁ —	Э ₁ —	X ₁ : что
		X ₂ : у них
О ₂ —	Э ₁ —	X ₁ : в N-ском
		X ₂ : уезде
	Э ₂ —	X ₁ : в n-ской
		X ₂ : местности
О ₃ — Отд I—	Э ₁ —	X ₁ : их
		X ₂ : села
	Э ₂ —	: в деревни
Отд. II—	Э _{1-n} —	X ₁ : село (сельцо)
		X ₂ : А
	Э _{1-n} —	: и в деревни
	Э _{2-n} —	X ₁ : село (сельцо)
		X ₂ : Б
	Э _{2-n} —	: и в деревни

П ₂ —О ₁ —	Э ₁	: и кто
	Э ₂	: у них
О ₂ —	Э ₁	: в тех селах
	Э ₂	: и в деревни
О ₃ —	Э ₁	X ₁ : имеет (имет)
		X ₂ : жат
О ₄ —	Э _{1-n}	: людей
	Э _{2-n}	: и крестьян
П ₃ —О ₁ —	Э _{1-n} —	X ₁ : и тем
		X ₂ : их
		X ₃ : людей
	Э _{1-n}	: и крестьян
	Э _{2-n}	: не надобе
О _{2-n} — Отд I—	Э ₁ —	X ₁ : топ
		X ₂ : великого князя
Отд II—	Э ₁ —	X ₃ : дьяк
	Э ₂	: ни вместе деньги
	Э ₃	: ни подошвы
	Э ₄	: ни поешный служба
	Э ₅	: ни городское дело
	Э ₆	: ни мят
	Э ₇	: ни там

	Э _n —	X ₁ : ни ищи
		X ₂ : ищоторан
		X ₃ : пошьяны
О _{2-n} —	Э ₁	: ни соля моста
	Э ₂	: не кофит
О _{4-n} —	Э ₁	: ни сол моих (ни дуга моего)
	Э ₂	: не ласит
О _{6-n} —	Э ₁	: ни зарежного
	Э ₂	: не даят
О _{8-n} — Отд I—	Э ₁	: ни к соцким
	Э ₂	: ни к дворским
	Э ₃	: ни к десцким
Отд II—	Э ₁	X ₁ : с тяглыми (с черными)
		X ₂ : людьми
	Э ₂	: не тилут

Отд III	\mathfrak{D}_1	X_1 : ни в князе X_1 : протора
	\mathfrak{D}_2	: ни в размета
O_{6-8}	\mathfrak{D}_{1-6}	: ниazole
	\mathfrak{D}_{1-6}	: ни
	\mathfrak{D}_{1-6}	X_1 : некоторые X_2 : пошлнны
	\mathfrak{D}_7	: не надобе
O_{6-7} — Отд I	\mathfrak{D}_1	: ни поворотно
	\mathfrak{D}_2	: ни пошнного корму
	\mathfrak{D}_3	: ни Гуродничковой пошлнны
Отд II	\mathfrak{D}_1	: не даит

Статьи, образующие *sanctio* в русских грамотах, не классифицированы еще с такой же тщательностью, как это сделано в западной дипломатике применительно к документам средневековой Западной Европы, где различают *clauses injonctives* (повеление не нарушать), *prohibitives* (запрещение нарушать), *derogatives* (запрещение нарушать, несмотря на последующие постановления, противоречащие содержанию данного документа), *reservatives* (объявление неподвижности закрепленных прав), *obligatives* (клятвенное обещание не нарушать), *renoncialsives* (оговорки), *comminatoires* (угрожающие), среди которых выделяют угрозы духовного наказания (проклятие, анафема), угрозы гражданской расправы (денежный штраф, ссылка и т. п.). В русских грамотах наиболее распространены статьи, угрожающие «казню», «опалой» за нарушение, объявляющие неподвижность закрепленных прав, запрещающие нарушать, несмотря на последующие грамоты. В грамоте Олега Рязанскому Ольгову монастырю второй половины XIV в. говорится об ответе перед богом: «А кто избодит дом святой Богородицы — или князь, или владыка, или володство, или кто ини, тот даст ответ перед богом святой госпожи Богородицы».³⁵

Cogrovatio можно видеть чаще всего в статьях частных актов, где сообщается о подписях и печатях составителей документа и послухов.

В частных актах указывается иногда и месяц грамоты, хотя эта статья, строго говоря, не относится к *cogrovatio*.

В конечном протоколе русские акты обычно никогда не содержат *apprecatio*.

При сопряжении индивидуального формуляра с условным и реальным текстом сначала выделяются статьи, затем выясняется наличие и порядок расположения компонентов условного формуляра. Если несколько статей образуют одну тематическую группу, эту часть текста следует считать особым разделом (Р) определенного компонента условного формуляра. Покажем схему

³⁵ АСЭВ, т. III, № 322.

сопряжения индивидуального формуляра с условным на примере жалобной грамоты Василия III 1545 г. Иосифо-Волоколамскому митрополиту.³⁶

[Противоположно-диспозитивная часть]

Ст. 1. «Се я . . . пожелавал . . . итумен . . . будет».

[Dispositio]

[Р I, податной]

Ст. 2. «Что у них . . . не дадут».

Ст. 3. «А коли пошлю . . . некоторым делам».

[Sanctio]

[Р II]

Ст. 4. «На си моя грамоту . . . грамоты держиш нет некоторой».

[Dispositio]

[Р II, судебный]

Ст. 5. «И поюстели . . . одного душегубства».

Ст. 6. «А праведьчики и доволчики . . . ни по чьом».

Ст. 7. «А подают и судят . . . или кому прикажут».

Ст. 8. «А случится суд сместьной . . . ни вышоматом».

Ст. 9. «А кому будет . . . болре выдешае».

[Р III, о пятне]

Ст. 10. «А лошади пятнат . . . не дадут».

[Р IV, о душегубстве]

Ст. 11. «А увидител . . . душегубства . . . не имати ничего».

Ст. 12. «А кто у них . . . продаши нет».

[Р V, заповедный]

Ст. 13. «А наши виши . . . силно не емлют».

[Р VI, о рыбной ловле]

Ст. 14. «Также семи . . . тоней».

Ст. 15. «А кто мой подлечик . . . не емлет».

[Sanctio]

[Р II]

Ст. 16. «А которого своего наместишка . . . грамоты нет».

Ст. 17. «А коли влут . . . не дают ничего».

Ст. 18. «А кто ел осушует . . . быти и кашню».

[Конечный протокол]

Ст. 19. «Писано на Москве, лета 7023, февраля 17 деля».

Если изучение истории конкретных формуляров³⁷ выявляет эволюцию внутренней формы актов данной разновидности и данной страны, то применение к актам принципов членения условного формуляра позволит цели прежде всего сравнительного исследования внутренней формы документов различных разновидностей и разных стран. В качестве инструмента сравнительного исследования условный формуляр у нас не оценен и совершенно не используется.

³⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. Подготовил и печатл А. А. Зямын. М., 1956, № 63.

³⁷ О некотором опыте такого изучения см.: С. М. Капстапов. Очерки русской дипломатии, стр. 24—36.

Членение текста на статьи и приведение этого членения в некоторое соотношение со схемой условного формуляра есть, разумеется, лишь начальная стадия анализа документа, но без нее невозможны какие-либо сращения изучаемого источника с другими, а также исследование эволюции формы и содержания документов определенной разновидности.

К. И. КАМЕНЦЕВА

ДЕКРЕТ О ВВЕДЕНИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НОВОГО КАЛЕНДАРЯ

6 февраля 1968 г. исполнилось 30 лет со дня принятия «Декрета о введении в Российской республике западноевропейского календаря».

Календарный вопрос является одним из самых долговечных и не разрешенных до конца и в наши дни вопросов.

Уже в XIX в. Россия почувствовала неудобства из-за календарной изолированности по отношению к странам Западной Европы. Она мешала политическим, научным и культурным связям. Особенно остро календарная изолированность стала чувствоваться после изобретения быстрого способа связи — телеграфа. Григорианский календарь начал постепенно вводится отдельными ведомствами для частного употребления. Его использовали военный и коммерческий флот, министерства иностранных дел, финансов, путей сообщения и внутренних дел, а также при астрономических и метеорологических наблюдениях.

С 30-х годов XIX в. разрабатывались проекты полного перехода на григорианский календарь, но все предложения наталкивались на глухое сопротивление правительства. Сложность перехода на новый календарь определялась наличием частного капитала, развитой системы банковского дела и связанных с ними процентными операциями. Правительство не желало входить во все трудности перехода на новый календарь. Существенную поддержку правительству оказывала православная церковь, которая не считала возможным принять календарь, разработанный католической церковью, ибо введение григорианского календаря могло быть истолковано как уступка православия католичествому. При этом никакими научными доводами церковь не располагала.

Нежелание правительства реформировать календарь подкреплялось невежеством основной массы населения, которому могли бы остаться непонятными побудительные мотивы реформы календаря. Правительство пугали могущие возникнуть недоразумения и слу-